

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

П. Бурдьё

СТРУКТУРА, ГАБИТУС, ПРАКТИКА*

Объективизм трактует социальный мир как спектакль, предлагаемый наблюдателю, стоящему на некоей «точке зрения» в отношении действия. Внося в предмет принципы собственного отношения к нему, этот наблюдатель ведет себя так, словно его единственным предназначением является познание, а все его взаимодействия сводятся к символическим обменам. Такая точка зрения свойственна тому, кто занимает достаточно высокую позицию в социальной структуре, откуда социальный мир видится как представление (не только в смысле идеалистической философии, но и в смысле живописи или театра), а практики — только как театральные роли, исполнение партий или реализация планов.

Теория практики, взятая как *практика*, с одной стороны, в противовес позитивистскому материализму, напоминает, что предметы познания должны быть *сконструированы*, а не просто пассивным образом зарегистрированы, а с другой — в отличие от интеллектуалистского идеализма — что принципом такого построения является система структурированных и структурирующих диспозиций, формирующихся в практике и постоянно направленных на практические функции. Конечно, можно занять и оппортунистическую точку зрения (как это сделал Маркс в «Тезисах о Фейербахе»), исходя из которой объективистский идеализм упорядочивает мир путем сведения познания к регистрации, но не обязательно при этом покидать *деятельностный аспект* мировосприятия. Для этого достаточно поместить себя в «реальную деятельность как таковую», т. е. в практическое отношение с миром. Такое вот пред-занятое (пред-озабоченное — *pré-occupée***) — и вместе с тем деятельное присутствие в мире, где мир навязывает себя (своими неотложными делами, тем, что необходимо сделать или сказать, что делается для того, чтобы об этом было сказано) и непосредственно диктует жесты или слова, но никогда не разворачивается как спектакль. Нужно лишь избегать *реализма структуры*, к которому неизбежно приводит объективизм — необходимый момент разрыва с первичным опытом и построением объективных связей, — когда он гипостазиирует эти связи, рассматривая их как уже установленные реалии вне

*Глава 3 «Структура, габитус, практика» из книги «Практическое чувство» (Bourdieu P. Le Sens pratique. Paris: Minuit, 1979.)

** Французское слово *pré-occupé* означает озабоченный, беспокойный, однако, разделенное на приставку и корень, оно меняет свое значение: *pré* — предварительно, пред-, до-, *occupé* — занятый. В данном случае Бурдьё имеет в виду, что, с одной стороны, позиция в мире уже занята агентом, когда он становится на определенную точку зрения, а с другой стороны, — что каждая позиция воплощает совокупность отношений, существовавших до агента, т. е. до того, как данный конкретный агент занял данную позицию. (Прим. перев.)

индивидуальной или групповой истории, но вместе с тем нужно стараться не впасть и в субъективизм, не способный учитывать нужды социального мира. Для этого следует вернуться к практике — диалектическому месту *opus operatum* и *modus operandi* — объективированным и инкорпорированным продуктам практической истории, структурам и габитусам.¹

Детерминации, связанные с особым классом условий существования, производят *габитусы* — системы устойчивых и переносимых *диспозиций*, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые, хотя и могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непрерывное овладение необходимыми операциями по ее достижению. Объективно «следующие правилам» и «упорядоченные», они в то же время ни в коей мере *не* являются продуктом подчинения правилам и, следовательно, будучи коллективно оркестрованными, не являются продуктом организующего действия дирижера оркестра.²

Нельзя совершенно исключить и то, что в связи со стремлением габитуса сознательно осуществлять операцию, которую он реализует иначе, его реакции могут сопровождаться стратегическим расчетом (оценкой шансов), что предполагает преобразование прошлого результата в расчетную цель. Однако нужно подчеркнуть, что реакции габитуса определяются прежде всего отсутствием расчета в отношении *объективных возможностей*, непосредственно вписанных в настоящее (что нужно делать или говорить, чего говорить и делать нельзя), расчета в отношении возможного будущего, которое, в отличие от будущего как «абсолютной вероятности» (*absolute Möglichkeit*) в смысле Гегеля или Сартра, спроектированного чистым проектом «отрицательной свободы», предлагает себя с необходимостью и претензией на существование, исключая размышление. Для практики стимулы не существуют как объективная истина *условных и обусловленных* пусковых устройств, а действуют только при условии их встречи с агентами, способными их узнавать.³ Практический мир, который конституируется в отношении с габитусом как системой когнитивных и мотивирующих структур, есть мир *уже достигнутых* целей, способов применения или рынков, которым нужно следовать, и объектов (имеющих, как говорил Гуссерль, «постоянный телеологический характер»), средств или институтов, поскольку закономерности, присущие произвольному состоянию (в смысле Соссюра или Мосса), стремятся проявляться как необходимые и даже природные уже в силу того, что они лежат в основании схем перцепции и оценивания, с помощью которых они воспринимаются.

Когда мы наблюдаем тесную корреляцию между научно сконструированными *объективными вероятностями* (например, возможность получить то или иное благо) и *субъективными устремлениями* («мотивами» и «потребностями»), то это не означает, что агенты сознательно подгоняют свои ожидания к точной оценке своих шансов на успех, как, например, это может делать игрок, организующий свою игру в зависимости от поступающей к нему информации о его шансах на победу. Это происходит потому, что прочно усвоенные диспозиции в отношении возможного и невозможного, свобод и необходимостей, попущений и запретов, вписанных в объективные условия (что наука фиксирует как статистические закономерности или же как вероятности, объективно закрепленные за какой-либо группой или классом), порождают диспозиции, объективным образом совместимые с данными

условиями и в некотором роде заранее адаптированные к их требованиям. Наименее вероятные практики исключаются еще до какого-либо рассмотрения как *немыслимые* посредством того непосредственного подчинения порядку, который заставляет делать из нужды добродетель, т.е. отказываться от невозможного и хотеть неизбежного. Сами условия формирования габитуса — *нужды, ставшей добродетелью* — действуют таким образом, что антиципации, порождаемые габитусом, стремятся не замечать ограничений, которым подчиняется достоверность всякого расчета вероятности, а именно, забыть то, что условия опыта не были модифицированы. Так, в отличие от научной оценки, которая корректируется после каждого эксперимента в соответствии со строгими правилами расчета, антиципации габитуса, т. е. некоторого рода практические гипотезы, базирующиеся на прошлом опыте, придают неизмеримо большее значение первым опытам. На самом деле это лишь характерные структуры одного определенного класса условий существования, которые через экономическую и социальную необходимость, давившую на них в относительно самостоятельном мире домашней экономики и семейных отношений, а точнее говоря — через собственно семейные проявления этой внешней необходимости (форму разделения труда между полами, мир предметов, способы потребления, отношение к родителям и т. п.) формируют структуры габитуса, которые, в свою очередь, лежат в основе восприятия и оценивания всякого последующего опыта.

Являясь продуктом истории, габитус производит практики, как индивидуальные, так и коллективные, а следовательно — саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме* в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени.⁴ Такая система диспозиций — прошлое, проникающее в настоящее и стремящееся продолжаться в будущем, актуализируясь в практиках, структурированных в соответствии с его принципами, и внутренний закон, через который непрерывно осуществляется закон внешней необходимости, несводимой к непосредственному, ситуативному принуждению, — есть основание преемственности и упорядоченности, которые объективизм, сам того не подозревая, приписывает социальным практикам, а также основание регулярных трансформаций, в которых не отдают себе отчета ни поверхностный и растворенный в механическом социологизме детерминизм, ни чисто внутренний, но столь же частичный, стихийный субъективизм. *Интерриоризация внешнего* позволяет избежать альтернативы между силами, связанными с прошлым состоянием системы, *внешними* по отношению к телам, и *внутренними* (возникшими в данный момент мотивами, сиюминутными решениями и т.п.). Она дает возможность внешним силам реализоваться в соответствии со специфической логикой организмов, в которых они инкорпорированы, т. е. устойчивым, систематическим и не механическим образом.

Габитус как приобретенная система порождающих схем делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особым условиям производства данного габитуса и только

*Употребляя здесь слово «организм», Бурдьё хочет подчеркнуть, что габитус может быть не только индивидуальным, но и групповым, коллективным, классовым... Таким образом, «организм» для Бурдьё здесь и дальше — это социальная единица, социальное тело. (*Прим. перев.*)

им. Структура, продуктом которой является габитус, управляет практикой, но не механистически-детерминистским путем, а через принуждения и ограничения, изначально определенные его находчивостью. Учитывая бесконечную, но вместе с тем строго ограниченную порождающую способность габитуса, нетрудно представить, что он стремится преодолеть обычные противоположности, в которые мы обычно замкнуты: детерминизм и свобода, предустановленность и творчество, сознание и бессознательное, индивид и общество. Поскольку габитус есть бесконечная способность свободно (но под контролем) порождать мысли, восприятия, выражения чувств, действия, а продукты габитуса всегда лимитированы историческими и социальными условиями его собственного формирования, то даваемая им свобода обусловлена и условна, она не допускает ни создания чего-либо невиданно нового, ни простого механического воспроизводства изначально заданного.

Ничего нет более обманчивого, чем ретроспективная иллюзия, которая восстанавливает следы жизни (например, произведения художника или биографические события) как осуществление некой предуготовленной сущности. Вместе с тем, как правдивость художественного стиля не кроется в зародыше оригинального авторского вдохновения, но постоянно определяется и переопределяется в диалектике намерения объективировать нечто и намерения уже объективированного, точно так же и определенное единство смысла (которое в конце концов начинает казаться существовавшим еще до действий и до произведений, предвещающих будущее конечное значение, которое задним счетом преобразует различные по времени моменты в простые подготовительные зарисовки) формируется через столкновение вопросов, существующих только для ума, уже вооруженного определенным типом схем, и решений, полученных при применении этих же схем, но способных их видоизменить.

Поскольку генезис системы произведений или практик, порожденных одним габитусом (или гомологичными габитусами, теми, что составляют единство стиля жизни одной группы или одного класса), не может быть описан ни как автономное развитие единой и всегда самотождественной сущности, ни как протяженное созидание нового, то это потому, что он осуществляется в и *через* конфронтацию — одновременно необходимую и непредсказуемую — габитуса и события, которое может оказать на габитус должное побуждающее воздействие только тогда, когда вырывает его из случайных обстоятельств и делает из этого *проблему*, предлагая также и принципы ее решения. Габитус как *искусство изобретения* есть то, что позволяет производить бесконечно большое число практик, к тому же относительно непредсказуемых (как и соответствующие ситуации) и вместе с тем ограниченных в своем разнообразии. Короче говоря, будучи продуктом определенного класса объективных закономерностей, габитус стремится порождать «разумные» способы поведения, идущие от «здорового смысла»,⁵ допустимые в рамках этих и только этих закономерностей, которые к тому же имеют все возможности быть позитивно санкционированными, в силу своей объективной приспособленности к логике, характерной для данного конкретного поля, объективное будущее которого они предвосхищают. В то же время габитус «сугубо добровольно» стремится исключить любые «безумства» («это не для нас»), т. е. поведение, обреченное на неодобрительную оценку в силу его несовместимости с объективными условиями.

Практики стремятся воспроизвести закономерности, присущие условиям, в которых было сформировано их порождающее начало, но при этом соотносятся с

требованиями, содержащимися как объективная возможность в ситуации, которая определяется когнитивными и мотивирующими структурами, входящими в состав габитуса. В силу этого нельзя выводить практики ни из имеющихся в настоящее время условий, которые, как может показаться, порождают данные практики, ни из прошлых условий, которые произвели габитус — устойчивый принцип их производства. Следовательно, понять, что есть габитус, можно только при условии соотнесения социальных условий, в которых он формировался (производя при этом условия своего формирования), с социальными условиями, в которых он был «приведен в действие», т. е. необходимо провести научную работу по установлению связи между двумя состояниями социального мира, которые реализуются габитусом, устанавливающим эту связь посредством практики и в практике. «Бессознательное», позволяющее экономить на таком установлении связи, в действительности есть не что иное, как историческое забывание, произведенное самой историей при осуществлении объективных структур, которые она порождает в своих «квазинатурах» — габитусах.⁶ В этом качестве инкорпорированной истории, ставшей натурой и тем самым забытой как таковая, габитус есть деятельное присутствие всего прошлого, продуктом которого он является, — следовательно, он есть то, что придает практикам их относительную *независимость* по отношению к внешним детерминациям непосредственного настоящего. Эта автономия прошлого, действовавшего и деятельного, которое, функционируя как аккумулированный капитал, производит историю с незапамятных времен и обеспечивает таким образом непрерывность в изменении, которая делает индивидуального агента миром в мире. Габитус — спонтанность, не обладающая сознанием и волей — одинаково противопоставляет себя как механической необходимости, так и рефлексивной свободе, как внеисторизму механицистской теории, так и субъектам, «лишенным инерции» в рационалистических теориях.

Дуалистическому видению, признающему либо только прозрачные для самосознания акты, либо вещи, детерминированные извне, нужно противопоставить реальную логику действия, которая выводит в план настоящего *две* объективации истории: объективацию в теле и объективацию в институциях или, что в конечном счете одно и то же, два состояния капитала — объективированного и инкорпорированного, — посредством которых устанавливается дистанция в отношении необходимости и ее насущных требований. Логика, парадигматическую форму которой можно видеть в диалектике экспрессивных диспозиций и установленных выразительных средств (морфологические, синтаксические, лексические средства, литературные жанры и т. п.), наблюдается, например, в выдумке, когда ей не предшествует обдуманное намерение поимпровизировать. Беспременно обгоняемый своими собственными словами, с которыми он поддерживает отношение «несущий — несомый», говоря словами Николая Гартмана, виртуоз-импровизатор вскрывает в своей речи некий пусковой механизм, так что речь его катится, как поезд по рельсам.⁷ Произведенная согласно *modus operandi* (пусть и не усвоенному сознательно), речь несет в себе «объективное намерение» (как говорят схоластики), обгоняющее сознательные намерения своего автора, и бесконечно предлагает новые стимулы, свойственные *modus operandi*, продуктом которого она является и который действует, как некий «духовный автомат». Остроумные замечания потому предполагают с очевидностью свою непредсказуемость и ретроспективную необходимость, что находчивость,

выявляющая скрытые долгое время ресурсы, означает наличие габитуса, тем лучше распоряжающегося объективно доступными выразительными средствами, чем в большей степени они были доступны в момент обретения габитусом свободы от них, когда он реализовывал наиболее редкие возможности, с необходимостью содержащиеся в этих средствах. Диалектика языкового чувства и принятых в данном обществе выражений есть особый и особо значимый случай диалектического отношения между габитусами и институциями, т. е. между двумя способами объективации прошлой истории, в которой непрерывно зарождается история, которой суждено явиться одновременно невиданной и неизбежной — также как и остроумной шутке.

В качестве порождающего принципа, сформировавшегося из упорядоченной импровизации, габитус, практическое чувство, совершает реактивацию смысла, объективированного в институциях. Габитус формируется работой по внушению и присвоению, необходимой для того, чтобы эти продукты коллективной истории, являющиеся также объективными структурами, смогли воспроизвестись в форме устойчивых и отрегулированных диспозиций — условий своего функционирования. Продукт своеобразной истории, предлагающей особую логику для своего инкорпорирования, — посредством чего агенты принимают участие в истории, объективированной в институциях — габитус есть то, что позволяет «обжить» институции, практически их присвоить и тем самым поддерживать в активном, жизненном, деятельном режиме, постоянно вырывая их из состояния омертвелой буквы, омертвелога языка, заставляя ожить чувство, растворенное в них. Однако при этом габитус подвергает эти институции пересмотру и преобразованию, что является компенсацией и условием их реактивации. Более того, он есть то, благодаря чему институция может осуществляться со всей полнотой: достоинство инкорпорации, эксплуатирующей способность тела принимать всерьез перформативную магию социального, то, что делает короля, банкира или священника вочеловеченной наследственной монархией, финансовым капитализмом или церковью. Собственность присваивает собственника, воплощаясь в форме, порождающей структуры практик, наилучшим образом адаптированных к ее логике и требованиям. Есть все основания сказать вслед за Марксом, что «владелец майората, сын-первенец, принадлежит земле», что «она его наследует», или что «персоны» капиталистов есть не что иное, как «персонификация» капитала, поскольку процесс социализации — чисто социальный, но почти магический, — освящен актом институтирующего указания («маркировки»), делающего из индивида «старшего», «наследника», «последователя», «христианина» или попросту мужчину (в противоположность женщине), со всеми вытекающими привилегиями и обязательствами. Этот процесс длится, усиливается и подтверждается социальными толкованиями, способными превратить различия институций в естественные различия, и может оказать совершенно реальные воздействия, поскольку он прочно входит в тело и в веру. Институция, даже если мы говорим об экономике, может быть завершенной и полностью жизнеспособной лишь тогда, когда она устойчиво объективируется не только в предметах, т. е. в логике какого-либо отдельного поля, трансцендентной единичным агентам, но также и в телах, т. е. в устойчивой предрасположенности признавать и выполнять требования, присущие данному полю.

В той и только в той мере, в какой габитусы являются инкорпорацией одной и той же истории (или, говоря точнее, одной и той же истории, объективированной в

габитусах и в структурах), практики, которые они порождают, становятся взаимопонятными и непосредственно настроенными на структуры, а также объективным образом отрегулированными и наделенными объективным смыслом, одновременно единичным и систематичным, трансцендентным к субъективным намерениям и к сознательным — индивидуальным или коллективным — планам. Один из важнейших результатов согласования между практическим чувством и объективированным смыслом — формирование мира здравого смысла (*sens commun*), непосредственная очевидность которого удваивается объективностью, обеспечивающей консенсус в отношении смысла практик и мира, т. е. гармонизацией опытов и постоянным подкреплением, которое каждый из них получает из выражений индивидуальных или коллективных (например, во время празднований), импровизированных или запланированных (присказки, поговорки), выражений сродства или тождественности.

Однородность габитусов, наблюдающаяся в границах одного класса условий существования и социальных детерминаций, есть то, что делает практики и произведения непосредственно понятными и предсказуемыми, а следовательно, воспринимаемыми как очевидные и сами собой разумеющиеся. Габитус позволяет экономить на интенции не только при производстве, но и при расшифровке практик и произведений.⁸ Автоматические и безличностные, обозначающие без намерения обозначать, рядовые практики представляются пониманию не менее автоматическому и безличностному, а возобновление объективного намерения, которое они выражают, ни в коей мере не требует ни «реактивации» пережитого намерения того, кто эти практики осуществляет, ни «намеренного переноса на другое», столь дорогого феноменологам и всем защитникам концепции «соучастия» в истории и в социологии, ни скрытого или явного вопроса о намерениях другого («Что ты хочешь этим сказать?»). «Коммуникация сознаний» предполагает общность «бессознаний» (т. е. языковой и культурной компетенции). Расшифровка объективной направленности практик и произведений не имеет ничего общего с «воспроизводством» (*Nachbildung*, как об этом первым сказал Дильтей) жизненного опыта и новым бесполезным и неопределенным установлением, единичности личных интенций, которые в действительности не являются их основой.

Объективная гомогенизация габитусов группы или класса, вытекающая из гомогенизации условий существования, позволяет объективно согласовывать практики без стратегического расчета и сознательного соотнесения с нормами и делать их взаимно приспособленными при отсутствии какого-либо непосредственного намерения и, *a fortiori*, какой-либо эксплицитной договоренности. Это есть само по себе еще не оформленное взаимодействие, с объективными структурами, которые производят диспозиции взаимодействующих агентов и указывают им, через эти диспозиции, их соотносительные позиции во взаимодействии и в других местах.⁹ «Представьте себе — говорит Лейбниц, — двое настенных или наручных часов, которые прекрасно согласуются между собой. Это может быть достигнуто тремя способами. Первый заключается во взаимном влиянии; второй — в том, чтобы приставить к ним работника, способного их регулировать и согласовывать ежесекундно; третий — сделать эти двое часов настолько искусно и точно, что они сами могут обеспечить свою согласованность в дальнейшем».¹⁰

Столь же долго, сколь игнорируется истинный принцип такой оркестрации без дирижера, который придает упорядоченность, целостность и систематичность

практикам при отсутствии какой-либо стихийной или навязанной организации индивидуальных планов, мы обрекаем себя на наивное рукотворчество, не признающее никакого иного принципа, кроме сознательного согласования:¹¹ если практики членов одной группы или — в дифференцированном обществе — одного класса всегда согласованы больше и лучше, чем о том знают или чего хотят агенты, то это потому, что (как об этом говорил еще Лейбниц) «следуя лишь своим собственным законам, каждый тем не менее согласуется с другим». Габитус — не что иное, как имманентный закон, *lex insita*, вписанный в тела сходной историей, которая является условием не только согласования практик, но и практик согласования.¹²

В самом деле, сознательно совершаемые самими агентами исправления и приспособливания предполагают усвоение некоего общего кодекса и наличие попыток коллективной мобилизации, а последние не могут быть успешными без минимума согласия между габитусами агентов-«мобилизаторов» (пророков, главарей и т. п.) и диспозициями тех, кто узнает друг друга по практикам или дискурсам, а также без склонности (что немаловажно) группироваться, которую вызывает стихийное согласование диспозиций.

Нет сомнений в том, что всякое усилие мобилизовать, имеющее целью организовать коллективное действие, должно считаться с диалектикой диспозиций и возможностей, происходящей в каждом агенте, будь он мобилизатор или мобилизуемый. (Может ли стать революционным эффект гистерезиса габитусов? Ведь он является одним из оснований для расхождения между возможностями и предрасположенностью их чувствовать, что является источником упущенных возможностей, а также часто бесплодных усилий осмыслить исторические кризисы в категориях восприятия и мышления, отличающихся от существовавших раньше.) Усилие мобилизовать должно также учитывать *объективную оркестрацию*, которая устанавливается между объективно скоординированными диспозициями в силу того, что они сформированы частично или полностью тождественными объективными необходимостями. Тем не менее, чрезвычайно опасно анализировать коллективное действие по модели индивидуального, игнорируя все то, чем оно обязано относительно автономной логике институций мобилизации (с их собственной историей, специфической организацией и т. п.), а также ситуациям — институционализированным или нет — в которых это действие совершается.

Социология рассматривает как одинаковых всех биологических индивидов, которые обладают сходными габитусами, будучи сформированы одинаковыми объективными условиями. Социальный класс (в себе), взятый как класс условий существования и тождественных или сходных обусловленностей, есть неразрывным образом класс биологических индивидов, обладающих одним габитусом как системой диспозиций, общей для всех продуктов одних и тех же детерминаций. Если невозможно, чтобы *все* представители одного класса (или даже двое из них) пережили бы *одни и те же события и в том же самом порядке*, то несомненно, что любой представитель одного класса имеет больше возможностей, чем представитель другого класса, столкнуться с ситуацией, более частой для членов его класса. Объективные структуры, воспринимаемые наукой как вероятность доступа к благам, услугам или власти, — через сходный жизненный опыт, придающий определенное «лицо» социальному окружению, со всеми его «закрытыми» карьерами, недоступными «местами» или «смутными перспективами» — внедряют то самое «искусство

оценивать прямое подобие», о котором говорил Лейбниц, т. е. искусство предвосхищать объективное будущее или же чувство реальности, которое есть несомненно наиболее скрытое основание ее действительности.

Чтобы определить отношения между классовым габитусом и индивидуальным габитусом (неотделимым от органической индивидуальности, непосредственно данной непосредственному восприятию — *intuitus personae*, социально обозначенной и признанной под видом имени собственного, юридического лица и т. п.), следовало бы рассмотреть классовый (групповой) габитус (а значит и индивидуальный, поскольку тот выражает и отражает класс или группу) как субъективную — но не индивидуальную — систему интериоризованных структур, общих схем восприятия, представления и действия, которые составляют условие всякой объективации и всякой апперцепции, и создать объективную регуляцию практик и целостность мировоззрения на основе известной обезличенности и заменяемости единичных практик и воззрений. Но это приводит нас к мысли, что все практики или представления, произведенные идентичными схемами, являются обезличенными и взаимозаменяемыми, подобно единичным постижениям (интуициям) пространства, которые, — по мысли Канта — не выражают ни одной особенности эмпирического «Я». Действительно, отношение гомологии, т. е. разнообразия в сходстве, отражает разнообразие в сходстве социальных условий их формирования, что объединяет единичные габитусы различных членов одного класса: любая *индивидуальная система* диспозиций есть один из структурных вариантов других, где выражается единичность позиции внутри класса и единичность траектории. «Личный» стиль, та своеобразная марка, которую имеют все продукты одного габитуса, практики или произведения, всегда представляет собой только отклонение от стиля определенного времени или класса, и поэтому он соотносится с общим стилем не только в силу конформизма (как, например, Фидий, который, согласно Гегелю, не имел своей «манеры»), но еще и в силу отличия, составляющего «манеру» как таковую.

Принцип дифференциации индивидуальных габитусов заключается в единичности социальных *траекторий*, с которыми соотносятся ряды (серии) детерминаций, упорядоченных хронологически и не сводимых одни к другим. Габитус ежемоментно структурирует — в зависимости от структур, произведенных предшествующим опытом — новый опыт, преобразующий первоначальные структуры в границах, определенных их избирательной силой, и осуществляет единую интеграцию опытов статистически общих для всех членов одного класса, однако эта интеграция подчинена первому опыту.¹³ На самом деле, особая значимость первоначального опыта в основном является следствием того, что габитус стремится обеспечить собственное постоянство и защититься от изменений с помощью отбора, совершаемого им в потоке новой информации. Так, при появлении случайной или принудительной информации он отбрасывает ту, которая способна вызвать сомнения в усвоенной ранее, и, в частности, создает неблагоприятные условия для появления такого рода информации. Можно, например, считать заключение гомогамных (равных) браков парадигмой всякого «выбора»: габитус здесь стремится потворствовать опыту, способному укрепить его (на это же указывает и тот эмпирически зафиксированный факт, что о политике стараются говорить с теми, кто придерживается того же мнения).

Через систематически совершаемый выбор мест, событий, людей, которых можно *посещать*, габитус стремится укрыться от критики и критического пересмотра,

обеспечивая себе среду, к которой он лучше всего приспособлен, т. е. относительно стабильный универсум ситуаций, способных укрепить его диспозиции, предлагающий наиболее благоприятный рынок для его продуктов. И здесь снова в наиболее парадоксальном свойстве габитуса — *невывираемом принципе всякого «выбора»* — кроется разрешение парадокса об информации, необходимой, чтобы уйти от информации: схемы восприятия и оценивания, характерные для габитуса, есть основание всех стратегий избегания; они являются, главным образом, результатом неосознанного, непреднамеренного избегания. Это может автоматически вытекать из условий существования (как видно на примере пространственной сегрегации) или быть результатом стратегического намерения (когда избегают ходить в «неподобающие места» или читать «плохую литературу»), но ответственность всегда лежит на самих взрослых, сформированных в одинаковых условиях.

Даже тогда, когда стратегии кажутся осуществлением ясно поставленных целей, они позволяют не теряться в непредвиденных и непрерывно обновляемых ситуациях, которые производит габитус. Стратегии только кажутся детерминированными будущим: хотя они и выглядят как направляемые предвосхищением собственных последствий и укрепляющие таким образом иллюзию целенаправленности, в действительности, постоянно стремясь к воспроизводству объективных структур, продуктом которых эти стратегии являются, они детерминированы прошлыми условиями производства их принципа формирования, т. е. будущим, уже произошедшим с прошлыми — тождественными или заменяемыми — практиками, совпадающими с их будущим *в той и только в той мере*, в какой структуры, в которых они действуют, являются идентичными или гомологичными объективным структурам, чьим продуктом они [стратегии] являются.

Так, при взаимодействии двух агентов или групп агентов, обладающих одинаковым габитусом (например, А и В), все происходит так, как если бы действия каждого из них (или a_1 для А) организовывались в зависимости от реакций, которые они вызывают у любого агента, имеющего такой же габитус (или v_1 как реакция В на a_1); в дальнейшем они объективно полагают предвосхищение реакции, которую эти реакции в свою очередь вызывают (либо a_2 как реакция на v_1). Но телеологическое описание, единственно соответствующее «рациональному актору», располагающему полнотой информации о предпочтениях и компетенции других акторов, согласно которому каждое действие имеет целью сделать возможной реакцию на реакцию, которую она вызывает (индивид А совершает действие a_1 , например, некий дар, чтобы подтолкнуть индивида В к действию v_1 — ответному дару, и таким образом прийти к совершению действия a_2 — повышению цены на дар), столь же наивно, как и механистическое описание, делающее из действия и ответа на него последовательность запрограммированных действий, произведенную механическим устройством.¹⁴

Габитус содержит в себе решение парадоксов объективного смысла без субъективного намерения: он есть основа всех тех последовательностей «приемов», которые организованы объективно как стратегии, не являясь продуктом настоящего стратегического намерения, а это предполагает, по меньшей мере, что эти «приемы» воспринимаются лишь как одна из многих возможных стратегий.¹⁵ Если каждый из моментов в последовательности упорядоченных и направленных действий, составляющих объективные стратегии, может казаться детерминированным предвидением будущего и, в частности, *собственными последствиями стратегии*

(что и оправдывает использование этого концепта), то это потому, что практики, порожденные габитусом и управляемые прошлыми условиями формирования порождающего их принципа, заранее адаптированы к объективным условиям всякий раз, когда условия, в которых функционирует габитус, идентичны или похожи на условия, в которых он сформировался. Соответствие объективным условиям достигается наилучшим и непосредственным образом, порождая при этом полнейшую иллюзию целенаправленности, или, что сводится к тому же, иллюзию саморегулирующегося механизма.

Как это ни парадоксально, особенно хорошо можно увидеть присутствие прошлого в такой совершаемой габитусом псевдо-антиципации будущего, когда это вероятное будущее не оправдывается, а диспозиции оказываются не соответствующими объективным шансам в силу эффекта гистерезиса (Дон Кихот) и получают негативное подкрепление, поскольку окружение, с которым они реально сталкиваются, слишком отличается от того, с которым они объективно согласуются.¹⁶ Действительно, инерционность первичной детерминированности (в форме габитуса) показывает так же и столь же хорошо случаи, когда диспозиции действуют *несвоевременно*, а практики объективно неприспособлены к актуальным условиям, поскольку они были объективно согласованы с условиями прошедшими или отмененными. Стремление групп сохраниться в своем бытии, которым они, помимо прочего, обязаны тому факту, что составляющие данные группы агенты наделены устойчивыми диспозициями, способными следовать экономическим и социальным условиям своего производства, может стать основой основой как дезадаптации, так и адаптации, как протеста, так и смирения.

Достаточно упомянуть другие возможные формы отношения между диспозициями и условиями, чтобы увидеть в предвосхищающей приспособленности габитуса к объективным условиям «частный возможный случай» и избежать неосознанной *универсализации* модели «почти циклического отношения почти законченного воспроизводства», применение которой целиком оправдано только тогда, когда условия формирования габитуса и условия его функционирования являются тождественными или смежными. В этом частном случае диспозиции, прочно внушенные объективными условиями и педагогическими воздействиями, направленным образом согласованными с данными условиями, стремятся породить практики, объективно соответствующие этим условиям, и ожидания, заранее приспособленные к их объективным требованиям (*amor fati*¹⁷). Как следствие, они стараются обеспечить — вне какого-либо рационального расчета и сознательного оценивания шансов на успех — непосредственную связь между вероятностью *a priori* или *ex ante*, которая связана с событием (сопровожаемым или нет таким субъективным жизненным опытом, как надежды, ожидания, опасения и т.п.), и вероятностью *a posteriori* или *ex post*, которая может быть установлена исходя из прошлого опыта. Эти диспозиции позволяют понять, таким образом, что экономические модели, базирующиеся на постулате (негласном) о существовании «интеллигибельной причинной связи», как говорил Вебер, между родовыми («типичными») шансами, «существующими объективно, усредненно», и «субъективными ожиданиями»¹⁸ — с одной стороны, и, например, между инвестициями или намерением инвестировать и расчетной или реально полученной в прошлом прибылью — с другой, достаточно точно могут объяснить практики, принципиально не располагающие знанием об объективных шансах.

Напоминая, что рациональное действие, «разумно» ориентированное на то, что «объективно действительно»,¹⁹ есть действие, которое «будет разворачиваться, если актер сможет узнать все обстоятельства и все намерения частных лиц»,²⁰ т. е. все то, что является «верным на взгляд ученых», единственно способно построить на основе расчетов систему объективных возможностей, с которыми должно согласовываться действие, выполняемое при полном знании причин, Макс Вебер ясно показал, что чистая модель рационального действия может рассматриваться лишь как *антропологическое описание* практики. И не только потому, что реальные агенты лишь в качестве исключения могут обладать полнотой информации и искусством ее оценивать, которое предполагается рациональным действием. Кроме тех исключительных случаев, когда объединяются экономические и социальные условия рационального действия, направляемого знанием о прибыли, которую можно получить на различных рынках, практики зависят не от средних шансов на получение прибыли — понятия абстрактного и ирреального, существующего лишь в расчетах, — а от специфических шансов, имеющих у единичного агента или класса агентов, и зависящих от капитала, понимаемого, в рассматриваемом здесь отношении, как инструмент присвоения возможностей, теоретически предлагаемых всем.

Экономическая теория, которая признает только рациональные «ответы» неопределенных и взаимозаменяемых агентов на «потенциальные возможности» (*responses to potential opportunities*) или, точнее говоря, на средние шансы (наподобие «среднего процента прибыли», даваемого различными рынками), превращает закон, присущий экономике, в универсальную норму соответствующей экономической практики. Она скрывает тем самым, что рациональный габитус, являющийся условием экономической практики, есть продукт особых экономических условий, которые определяют обладание экономическим и необходимым культурным капиталом, чтобы уметь улавливать формально предлагаемые всем «потенциальные возможности». Она скрывает, что одни и те же диспозиции, адаптируя наиболее обделенных в экономическом и культурном плане к специфическим условиям, продуктом которых они являются, и в то же время делая невозможной и невероятной их адаптацию к требованиям, выдвигаемым экономическим универсумом (например, в силу расчета или предвидения), заставляют этих агентов мириться с негативными последствиями, вытекающими из этой неприспособленности, т. е. с их неблагоприятными условиями. Короче, искусство оценивать и улавливать шансы, способность предвидеть будущее при помощи некой практической индукции или даже играть, рассчитывая риск, на возможном против вероятного — все это диспозиции, которые могут быть получены только при определенных условиях, а именно, определенных социальных условиях.

Экономическая информация, как склонность инвестировать или предприимчивость, есть функция власти над экономикой. Это связано с тем, что склонность получать информацию зависит от шансов на успешное использование, а шансы ее получить в свою очередь зависят от шансов ее удачно использовать, а также с тем, что, не являясь простой технической способностью, приобретенной в определенных условиях, экономическая компетенция, как и любая другая (лингвистическая, политическая и т. д.) есть власть, негласно признанная за теми, кто обладает властью над экономикой, одним словом, некий статусный атрибут.

Только в воображаемом эксперименте (например, в сказке), который нейтрализует смысл социальных реалий, социальный мир принимает форму универсума возможностей, равно возможных для любого возможного субъекта.

Агенты определяются по конкретным признакам доступного и недоступного, того, что «для нас» и «не для нас», — делению столь же фундаментальному, сколь фундаментально признанному, как и то, что разделяет священное и мирское. Преимущественные права на будущее, определяющие монополию на некоторые возможности, которые оно обеспечивает, — это только эксплицитно гарантированная форма той совокупности присвоенных шансов, откуда существующие отношения силы проецируются на будущее, внушая взамен актуальные диспозиции и, в частности, диспозиции в отношении будущего. Действительно, практическое отношение, которое единичный агент поддерживает с будущим и которое управляет его актуальной практикой, определяется через соотношение, с одной стороны, его габитуса и, в особенности, временных структур и диспозиций в отношении будущего, сформированных в течение срока его собственного отношения к собственному миру возможностей, а с другой — определенного состояния шансов, объективно придаваемых агенту социальным миром.

Отношение к вероятностям (*possibles*) есть отношение к возможностям (*pouvoirs*). * Чувство возможного будущего формируется через продолжительную связь с миром, структурированным согласно категориям возможного (для нас) и невозможного (для нас), того, что заранее присвоено другими и у других, что заранее предназначено. Габитус как принцип избирательного восприятия признаков, способных скорее его подтвердить или укрепить, нежели трансформировать, и как порождающая матрица ответных реакций, заранее приспособленных ко всем объективным условиям, тождественным или гомологичным прошлым условиям своего формирования, определяется в зависимости от возможного будущего, которое он упреждает и в построении которого участвует, поскольку он его непосредственно «читает» в настоящем предполагаемого мира — единственного, который он когда-либо может познать.²¹ Тем самым, габитус есть основание того, что Маркс называл «результативным спросом»²² (который, в отличие от «безрезультатного спроса», базируется на потребности и желании), т. е. реального отношения к возможностям, находящего свое обоснование, и, в то же время, ограничение в «мочь» (*pouvoir*). Это отношение как диспозиция, склоняющая к тому, чтобы считаться с социальными условиями ее приобретения и осуществления, стремится подстроить удовлетворение потребностей или желаний под объективные шансы, склоняя «жить по своему вкусу», т. е. «соответственно своему положению», как говорит томистская максима, и таким образом становится пособником процесса, который пытается сделать вероятное.

*Подобно отношению «так будет — я так смогу». Французское слово *pouvoir* полисемично и может означать в форме существительного «власть», «сила», «мощность», «способность», а в форме глагола — «мочь», «быть в состоянии», «иметь возможность». Употребление П. Бурдьё в данном случае этого слова указывает на природу «возможности» (*possibilité*), как не только того, что вероятно, но и того, что можно сделать, что под силу и т. п. Впрочем, само русское слово «возможность» уже содержит подобного рода указание, т. е. это то, что можно будет сделать. (Прим. перев.)

Примечания

¹ Обновление предположений, присущих объективистскому построению, парадоксальным образом оказалось запоздалым из-за усилий всех тех, кто (и в лингвистике, и в антропологии) попробовал скорректировать структуралистскую модель, обращаясь к "контексту" или к "ситуации", чтобы учесть переменные, исключения или случайности (вместо того, чтобы, как структуралисты, сделать из них простые вариации, поглощаемые структурой), и кто сэкономил на постановке радикального вопроса об объективистском способе мышления, когда они не стали возвращаться к свободному выбору чистого предмета, ни с чем не связанного и не имеющего корней. Таким образом, так называемый метод ситуационного анализа, заключающийся в "наблюдении за людьми в различных социальных ситуациях", чтобы определить, "как индивиды могут делать выбор в рамках отдельной социальной структуры", остается замкнутым в альтернативе правила и исключения. (См., например: Gluckman M. Ethnographic data in British social anthropology // Sociological Review. IX (1), mars 1961. P. 5—17; а также Van Velsen J. The politics of Kinship: A Study in Social Manipulation among the Lakeside Tonga. Manchester: Manchester University Press, 1964). Лич, часто упоминаемый сторонниками данного метода, выразил эту альтернативу со всей ясностью: "Я утверждаю, что структурные системы, в которых все пути социального действия строго институционализированы, невозможны. Любая жизнеспособная система должна содержать область, в которой индивид свободен в своем выборе и может манипулировать системой в свою пользу". (Leach E. On certain unconsidered aspects of double descent systems // Man. 1962. Vol. LXII. P. 133).

² Следовало бы постараться полностью отказаться от того, чтобы говорить о концептах как таковых и ради них самих и подвергать себя таким образом риску стать схематичным и формальным одновременно. Концепт "габитус", который, как и все диспозиционные концепты, предназначен совокупностью своего исторического применения очерчивать систему приобретенных диспозиций, постоянных и порождающих, ценен, быть может, прежде всего тем, что снимает массу ложных проблем и ложных решений, позволяет четче ставить или разрешать вопросы, заставляет увидеть собственно научные трудности.

³ Понятие *структурный рельеф* атрибутов предмета, т.е. характер, который ему атрибутирован (например, цвет или форма), легче принимается в расчет при семантическом анализе чего-либо, чем обозначаемое, которое его носит (Le Ny J.F. La sémantique psychologique. Paris: PUF, 1979. P.190 sq.), так же как и веберовское понятие "средних возможностей", которое можно считать эквивалентом структурного рельефа, но в другом контексте, - это *абстракция*, потому что рельеф изменяется в зависимости от диспозиций. Но вместе с тем, оно позволяет избежать чистого субъективизма, поскольку учитывает объективные детерминанты восприятия. Иллюзия свободного создания свойств ситуации, а через это - и целей действия, конечно же, находит свое очевидное подтверждение в замкнутой цепи, характерной для выработки всякой условной реакции, стремящейся заблокировать ответную реакцию габитуса, объективно вписанную в его "*формулу*", но которой он тем не менее сообщает при случае свою действительность пускового механизма, учреждая ее в соответствии со своими принципами, т.е. вызывая ее к существованию как *соответствующий вопрос* в отношении частного способа вопрошать действительность.

⁴ В тех социальных формациях, где воспроизводство отношений господства (а также экономического и культурного капитала) не обеспечивается объективными механизмами, требуется непрерывная работа по поддержанию отношений личной зависимости, которая заранее обречена на провал, если она не может рассчитывать на постоянство габитусов, сформированных социально и постоянно укрепляемых индивидуальными или коллективными санкциями. Социальный порядок в этом случае базируется главным образом на порядке, который царит в головах и в габитусе, т. е. организм в качестве группы усваивает данный порядок и в дальнейшем требует его от группы, функционирует как материализация коллективной памяти, воспроизводящей в преемниках достижения предшественников. Стремление группы сохранить свое бытие, которое тем самым оказывается обеспеченным, функционирует на гораздо более глубинном уровне, чем "семейные традиции", постоянство которых предполагает сознательно культивируемую верность и плюс к тому сторожей, а отсюда - их чуждая, по сравнению со стратегиями габитуса, ригидность (ведь габитус при возникновении новой ситуации способен придумать новые средства выполнения старых функций); на уровне более глубоком, чем сознательные стратегии, с помощью которых агенты пытаются активно

воздействовать на свое будущее и лепить его по образу и подобию прошлого, как в случае распоряжений по завещанию или даже явно сформулированных норм, простые *призывы к порядку*, т. е. к возможному, удваивают его эффективность.

⁵ "Такая субъективная вероятность — переменная, которая порой исключает сомнение и вызывает уверенность *sui generis* в том, что ранее казалась не более чем слабым проблеском — есть то, что мы называем *философской вероятностью*, поскольку в ней стремится осуществиться та высшая способность, по которой мы судим о порядке и о причине вещей. Смутное ощущение сходных возможностей существует у всех разумных людей, оно определяет, следовательно, или по крайней мере оправдывает незыблемые верования, которые зовутся *'здравым смыслом'*". (Cournot A. *Essais sur les fondements de la connaissance et sur les caractères de la critique philosophique*. Paris: Hachette, 1922. P. 70).

⁶ "В каждом из нас, в той или иной пропорции, живет вчерашний человек. И это тот самый вчерашний человек, который силой вещей главенствует в нас, поскольку настоящее только в малой части сравнимо с долгим прошлым, в котором мы сформировались и откуда мы приходим. Однако мы не чувствуем этого человека прошлого, поскольку он инвертирован в нас, он составляет бессознательную часть нас самих. Вследствие этого, мы настроены не замечать ни его, ни его закономерных требований. Напротив, самые последние приобретения человечества мы ощущаем очень живо, поскольку в силу их "свежести" они еще не успели оформиться в бессознательное". (Durkeim E. *L'Evolution pédagogique en France*. Paris: Alcan, 1938. P. 16).

⁷ Ruyer R. *Paradoxes de la conscience et limites de l'automatisme*. Paris: Albin Michel, 1966. P. 136.

⁸ одной из заслуг субъективизма и морализма сознания (или сознательного рассмотрения), которое габитус часто скрывает, является показ абсурдности анализа, осуждающего в качестве "не подлинных" действия, подчиняющиеся объективным требованиям мира (как в случае хайдеггеровского анализа повседневного опыта и безличного *тан* или сартровского анализа *духа серьезного*), практической невозможности "подлинного" существования, которое может принять в проекте свободы любые заранее данные значения и объективные детерминации. Чисто этическое исследование "подлинности" — это привилегия того, кто, имея свободное время для размышлений, в состоянии сэкономить на экономии мышления, допускающего "неподлинное" поведение.

⁹ Возражая против всех форм иллюзии случайности, склоняющих непосредственно соотносить практики со свойствами, присущими ситуации, мы хотим напомнить, что "межличностные" отношения только с виду отношения между личностями и что истина взаимодействия никогда не заключается целиком в самом взаимодействии. (Об этом забывают, когда, редуцируя *объективную структуру* взаимодействий между собравшимися индивидами или группами их принадлежности (т.е. дистанции и иерархии) к *ситуационной структуре* их взаимодействий в какой-либо одной ситуации и группе, объясняют все то, что происходит при экспериментальном взаимодействии, контролируемые в эксперименте характеристиками ситуации: положением в пространстве относительно других участников или природой используемых каналов).

¹⁰ Leibniz. *Second éclaircissement du système de la communication des substances (1696) // Oeuvres philosophiques*. Т.П. Paris: de Lagrange, 1866. P. 548.

¹¹ Такое игнорирование наиболее прочного, но и наиболее скрытого основания интеграции групп или классов может привести одних — к отрицанию целостности доминирующего класса, не приводя никаких других доказательств, кроме невозможности эмпирически установить, что представители доминирующего класса имеют явную политику, ясно выраженным образом навязываемую с помощью договоренности (и даже заговора), а других — к тому, чтобы делать из акта осознания, этакого революционного *cogito*, которое может дать рабочему классу доступ к существованию, конституируя его как "класс для себя", единственно возможный фундамент целостности класса доминируемых.

¹² Понятно, что танец — особый и особо показательный случай синхронизации однородного и оркестрации разнородного — предназначен символизировать интеграцию группы и, символизируя ее, тем самым укреплять.

¹³ Легко видеть, что бесконечное число комбинаций, в которые могут вступить переменные, связанные с траекториями каждого индивида или рода, из которого он происходит, могут учитывать бесконечность единичных различий.

¹⁴ Чтобы иметь возможность оценить трудности, с которыми сталкивается механистическая

теория практики как механической реакции, непосредственно детерминированной предшествующими условиями и полностью сводимой к механическому функционированию предустановленных элементов, которых, впрочем, должно бы быть бесконечно много, так же как и случайных конфигураций стимулов, способных извне вызывать эти реакции, достаточно упомянуть о грандиозном и безнадежном мероприятии того этнолога, который с настоящей позитивистской смелостью зарегистрировал 480 элементарных единиц поведения за 20 минут наблюдения за женщиной на кухне, и насчитывал 20 тысяч единиц в день на человека и, следовательно, многие миллионы в год для группы из многих сотен классов действующих людей, а также "эпизоды", которые наука должна бы изучать.

¹⁵ Наиболее выгодными стратегиями являются чаще всего те, что производит габитус - вне всякого расчета и в полной иллюзии самой "истинной" искренности, поскольку он объективно приспособлен к объективным структурам. Такие стратегии без стратегического расчета приносят (тем, о ком мы едва можем сказать, кто они, эти авторы стратегий) дополнительную выгоду в значимости и социальное одобрение, которое обеспечивается видимостью незаинтересованности.

¹⁶ Поколенческие конфликты (*conflits de génération*) проистекают не из естественных различий возрастных классов, но из различий в габитусах, сформированных согласно различным способам генерирования (*génération*, т. е. из условий существования, которые, предлагая различные определения невозможного, возможного и вероятного, дают одним считать естественными и разумными т. е. практики и ожидания, которые другими воспринимались как немыслимые или скандальные, и наоборот).

¹⁷ В психологической литературе можно найти несколько примеров попыток прямо проверить наличие этой связи. См., например, Brunswik E. Systematic and representative design of psychological experiments // Proceedings of the Berkeley Symposium on Mathematical Statistics and Probability. Berkeley: University of California Press, 1949. P. 143—202; Preston M.G., Baratta P. An experimental study of the action-value of an uncertain income // American Journal of Psychology. 1948. Vol. 61. P.183—193; Attneave F. Psychological Probability as a Function of Experienced Frequency // J. of Experimental Psychology. 1953. Vol. 46. № 2. P.81-86.

¹⁸ Weber M. Essais sur la theorie de la science / Trad. Freund J. Paris: Plon. 1965. P.348.

¹⁹ Ibid. P. 335-336.

²⁰ Weber M. Economie et société. Paris: Plon, 1967. Т. I. P. 6.

²¹ Крайний пример такого рода антиципации — волнение, связанное с навязчивым предощущением того, что будет (*à venir*), как об этом свидетельствуют телесные реакции, совершенно сходные с теми, что бывают в реальной ситуации, когда нечто переживается, как будто оно уже происходит или даже произошло, а следовательно, оно необходимо, неизбежно. Например, заявления типа "мне конец", "я пропал", когда будущее еще не определено, еще в подвешенном состоянии.

²² Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов (первоначальный вариант "Капитала"). Ч. I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. (Marx K. Ebauche d'une critique de l' économie politique // Oeuvres. Economie. II. Paris: Gallimard, 1968 (Pléiade). P. 117.)

Перевод с французского Н. А. Шматко